

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Серёжа очень любил играть в разные компьютерные игры, особенно если приходилось сражаться с полчищами монстров из других галактик.

Ух как он стрелял в них, и монстры от метких выстрелов разлетались в клочья и брызги...

«Вот вам! Вот вам!» — азартно шептали сами по себе Серёжины губы, а он даже не замечал этого.

Не замечал он и маминых просьб — сходить в магазин за хлебом или погулять с собакой. Лохматая колли Грэта подходила к Серёже, клала ему на колено лапу, прося внимания, но Серёжа стряхивал Грёткину лапу и продолжал яростно стрелять в компьютерных врагов. В конце концов, обиженная мама сама шла в магазин и брала с собой Грэту.

Нет, конечно, потом Серёже было стыдно перед мамой. Он просил прощения и обещал больше так не увлекаться игрой.

Однажды вечером, когда мама ушла на часок в гости к подруге — тёте Гале, а папа всё ещё был в командировке, Серёжа, как обычно, сидя перед компьютером, путешествовал по звёздным мирам и воевал с разнообразными чудищами.

И вдруг погас свет, а вместе с ним — и монитор компьютера. Такое случалось в Серёжином доме нечасто, а сегодня вот взяло и случилось. В комнате воцарилась темнота.

Синева раннего декабрьского вечера водопадом хлынула через окно с улицы, затопила комнату от пола до потолка, превратилась в плотный сумрак, по углам сгустившийся в непроницаемую черноту.

И — о ужас! — в этой черноте Серёжа вдруг начал различать страшные щупальца тех самых монстров, которых только что расстреливал в компьютере! Щупальца, противно извиваясь, выползали из тьмы и приближались к Серёже!

И из-за дивана, и из-за приоткрытой в кухню двери, и даже из-за компьютера они ползли, чтобы расправиться с тем, кто их только что убивал... И Серёжа, испугавшись, заплакал.

Да, как ни стыдно признаться в этом — ведь мальчишки не пугаются и тем более не плачут, — но обильные слёзы потекли по Серёжиным пылающим щекам, и сам он, ещё недавно казавшийся себе бесстрашным супергероем, съёжился на стуле, стараясь стать как можно меньше и незаметнее...

И вдруг лёгкая тень скользнула из коридора в комнату прямо к Серёже, и он почувствовал на коленке тёплую лапу. Влажный прохладный нос Грэты ткнулся ему в судорожно сжавшийся кулак — Серёжа и не заметил, что отчаянно вцепился в край стула, на котором сидел.

— Грэта! Грэточка! Милая! — Серёжа слетел со стула, бухнулся на колени перед ней и крепко обнял — большую, тёплую, мягкую, такую родную и ласковую! А она лизнула его прямо в лицо — словно горячим мокрым платочком стёрла его слёзы.

Серёжа прижался к ней и уткнулся в пушистую шерсть, ещё пахнущую шампунем (мама вчера купала Грэтку в ванне), и вдруг понял, что ему совсем не страшно. Он радостно гладил Грэту, тискал её, а та стучала хвостом по полу и всё норовила снова лизнуть Серёжино лицо. Монстры исчезли, растаяв бесследно, и в комнате даже стало намного светлее, чем было, и всё стало хорошо видно: и папин диван, и погасший компьютер, и картину на стене, и узоры на оконной занавеске... И Грёткины блестящие глаза, которые она не спускала с Серёжи.

— Грэточка, милая, ты, наверное, хочешь гулять? — спросил Серёжа, улыбаясь.

Грэта, услышав знакомое слово «гулять», вскочила с места и помчалась в прихожую, где возле входной двери на полке лежал её поводок для прогулок.

...Они гуляли долго: вокруг дома по утоптанной дорожке, возле детской площадки с качелями и домиком с нарисованными на стенах ромашками, снова вокруг дома...

А потом пошёл снег. С тёмного неба неспешно сыпались крупные белые хлопья, они красиво кружились и танцевали в фиолетовом воздухе. Грэта ловила их пастью, смешно клацая зубами, весело лаяла на Серёжу. Они по очереди догоняли друг дружку и даже немного повалились в сугробах...

А потом разом вспыхнули все фонари на улице и окна в домах, и стало совсем светло. И возле своего подъезда Серёжа увидел торопливо идущую маму. Она удивлённо всплеснула руками, заметив Серёжу и Грэту, когда те бросились к ней. Серёжа обнимал маму так, словно давно-давно не видел её. Впрочем, Грэта тоже так радовалась маме и так весело скакала возле неё, словно очень соскучилась.

...Уже в прихожей, раздевшись, Серёжа наклонился к Грэте и шепнул ей в тёплое лохматое ухо:

— Прости меня! Теперь я всегда буду с тобой гулять. Ты согласна?

И Грэта, взглянув Серёже прямо в глаза, вильнула хвостом.